

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Надежда Васильева

**Это всё
о ней**

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Надежда Васильева

Это всё о ней

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Васильева Н. Б.

Это всё о ней / Н. Б. Васильева — Издательство «Детская литература», 2026 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-007519-3

Тринадцатилетняя Евдокия Любимова уже давно не та дерзкая и неуправляемая Дунька, героиня повести «Про Дуньку, которую знали все». Она выросла и научилась, принимая самостоятельные решения, нести ответственность за себя и за близких. Теперь Дунька иначе смотрит на многие вещи, по-другому оценивает свои поступки, действия окружающих и происходящие вокруг неё события. Но иногда прежняя жизнь напоминает о себе несущими неприятные последствия встречами. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007519-3

© Васильева Н. Б., 2026
© Издательство «Детская литература», 2026

Содержание

О конкурсе	8
Это всё о ней	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Надежда Борисовна Васильева

Это всё о ней

© Васильева Н. Б., 2026

© Пещанская М. А., иллюстрации, 2026

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2026

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2026 году подведены итоги уже десятого Конкурса.

За эти годы на Конкурс поступило более 4000 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. Лауреатами стали 136 участников, издано более 85 книг с их работами.

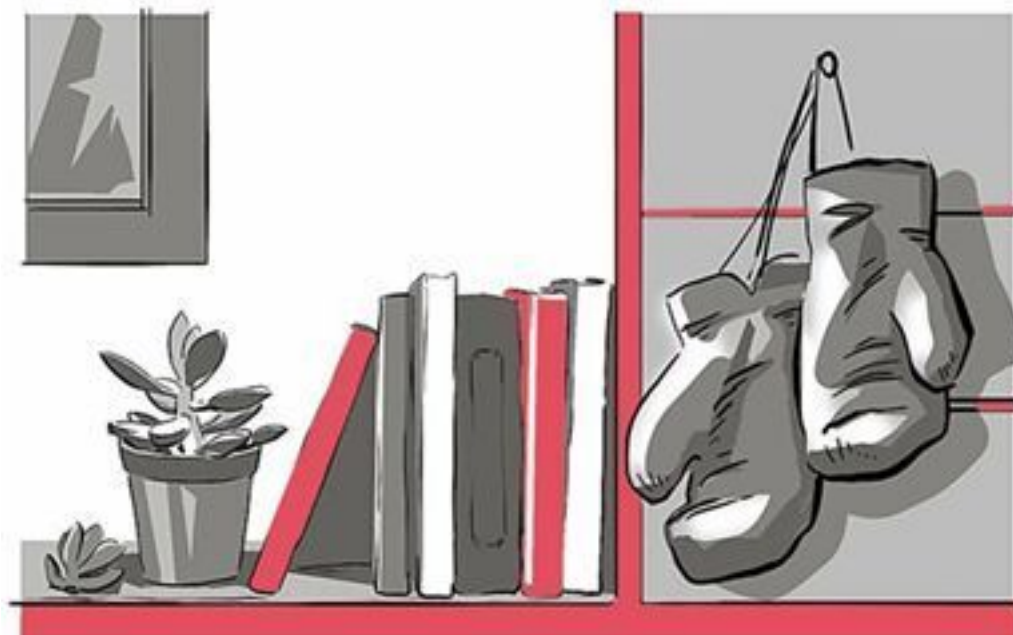
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и молодёжное, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию. В 2023 году серия книг вошла в пятёрку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Это всё о ней

В душе у Дуньки царил полный раздраз. Какая-то непонятная сила, дикая, властная, терзала её и искала выход. Хотелось бить, крушить, драться. «А драка так и лезет из меня!» – вспомнился персонаж книги «От двух до пяти» Корнея Чуковского.

Ухмыльнулась: это точно про неё. Так и подмывало – а с ней это уже когда-то случилось – с силой пнуть ведро с водой, чтобы оно опрокинулось, залив пол школьного коридора. Только теперь вместо старой технички, горластой, занудной и вредной, полы намывала моло-

дая женщина, худенькая, маленькая, уколощая, похожая на затравленного лисёнка. При виде Дуньки она вся съёживалась, в глазах у неё появлялся животный страх. Дунька пренебрежительно отводила взгляд в сторону, бурча про себя: «Шурши-шурши своей шваброй. Нужна ты мне как собаке пятая нога!» А руки так и чесались дать кому-нибудь из малышни подзатыльник или, на худой конец, подножку подставить. Но вместо такой желанной оплеушины она, схватив за шиворот упавшего ей под ноги первоклассника, поднимала его да ещё отряхивала запачканные на коленках штаны, тихо вразумляя: «Что несёшься как бешеный?! Налетишь на старшеклассника и получишь пинком под зад. Будешь знать тогда, что мчаться по вестибюлю школы не положено. Ошалевайте в своей рекреации». И сразу же наступало отрезвление.

Эта свистопляска в душе началась с того момента, когда заметила, что Руслан на всех уроках (ну, кроме математики, конечно!) всё время косится в сторону Гальки Сорокиной. Та вся правильная, как пифагоровы штаны, что «во все стороны равны». Физиономия такая благообразная, что так бы и плюнула в эти наивно распахнутые глазищи. Только вот от хулиганских выходов своих за два года отошла, и даже грубить язык не поворачивался. Будто совесть его на коротком поводке держала. Только начнёт какая-нибудь пакость в мозгу созревать, тут же откуда ни возьмись просыпается этот внутренний голос, спокойный и назидательный: «Умат наберись! Не маленькая уже. Шестой класс оканчиваешь». И всё в таком вот роде, будто опутана она этой совестью по ногам и рукам.

Дунька стала замечать в себе эти перемены в самом начале пятого класса, когда все учителя вдруг, словно сговорившись, стали её Евдокией величать. К тому же и фамилия у неё теперь была не Цыганова, а Любимова. Долго к этому привыкнуть не могла. Не сразу доходило, кого это к доске вызывают.

Учителей теперь звала на «вы» и по имениотчеству, хоть в подсознании все они фигурировали под прозвищами. На математичку за её квадратные плечи и бесформенное рыхлое тело был приклеен ярлычок – «Канистра». Бородавка на лбу у неё, став ещё больше, напоминала пробку от одноимённой ёмкости. Казалось, стоит нажать на эту блямбу, оттуда вместо смазочного масла начнут цифры выскакивать. Но в перепалку с математичкой больше не вступала. На уроках соблюдался «непрописанный нейтралитет». Сдерживало и то, что Руслан смотрел на любимую учительницу с таким обожанием, словно она была прапраправнучкой самого Пифагора. Каждое её слово ловил. Он от математики без ума. Дунька извлекала выгоду для себя – контрольные списывать давал. И Канистра закрывала на это глаза, хоть явно догадывалась. Нет, Дунька и сама могла бы всё решить, но свято верила в добрый результат распределения труда. Она любила читать. Так зачем зря мозги напрягать? Да и обидные фразы («безотцовщина проклятая», «по тебе психушка плачет»), вонзившиеся когда-то в душу острыми колючками, любви к математике не прибавляли. Узрев в коридоре утиную походку учительницы, сразу представляла себе початую канистру с бултыхающейся в ней тяжёлой маслянистой жидкостью. Но злобу на Канистру не таила. И когда та однажды, споткнувшись, уронила на пол пачку тетрадок, Дунька первая бросилась эти тетрадки подбирать. Раскрасневшаяся от неожиданности Канистра подняла на неё такой благодарный взгляд, что Дуньке стыдно стало: что в этом такого? Какой подвиг-то совершила?! Не грудью ведь на амбразуру легла...

После начальных классов Дунька с головой погрузилась в новую школьную жизнь, в которой было много изменений, и к ним нужно было привыкать. Разные учителя, путаное расписание уроков, переходы из кабинета в кабинет, на что уходила чуть не вся перемена. Эти новшества принесли дух свободы, доселе неизвестный и оттого заманчивый, и самостоятельность, которая ко многому обязывала. К старшеклассникам за школу на тусовку уже не бегала.

Новых учителей изучала с пристальным интересом, будто разглядывала чьи-то анализы в мощный медицинский микроскоп.

Химичка была похожа на колбу. Фигура у неё была такая. Когда по классу начинал носиться шумок, внутри этой «колбы» происходила какая-то реакция, которая тотчас прояв-

лялась на её моложавом лице пунцовыми пятнами. Ну как тут не вспомнить вычитанное где-то: «Старые учителя химии не умирают, они просто перестают реагировать». Химичка была молодой. Бурно реагировала.

Биолога Пестиком нарекла за то, что на каждом уроке у него с языка не сходили эти «тычинки и пестики».

Физрук был не кто иной, как Горыныч. После выходных на всех таким перегаром дышал! И даже глаза, как у быка, кровью наливались. Будто иерихонская труба, режущая слух, хрипел:

«На первый-второй рассчитайсь!» И только на Вику Воробьёву смотрел масляными глазами. На телесах Воробьёвой спортивки и футболки просто трещали. Как-то хвасталась, что мама ей уже третий размер лифчика покупает. А у неё, Дуньки, титки почему-то совсем не росли, что было, уж если честно, её больным местом.

За немкой, которая (как утверждало школьное сарафанное радио) знала три иностранных языка, закрепилось прозвище Шпионка. Все летние каникулы она проводила за границей. Спроста ли это?

Геометричка фигурировала под кодовой кличкой Крыса. Всегда в ворсистых платьях ходила. Нос острый, усы как у юнца, хоть редкие, но чёрные и потому заметные. Походка у неё была тихая, вкрадчивая, будто кого-то, как тень, преследовала. Сколько раз Дунька на неё налетала. Вечно вывернется откуда-то из-за угла, словно стояла там и подслушивала. Реакция Дуньки была мгновенной – тут же складывался стишок: «Биссектриса – это крыса, что бегаёт по углам и делит угол пополам».

И только на учительницу литературы и русского языка цеплять прозвище не хотелось. «Марина Константиновна» – и точка. Она драматический кружок у них вела. Такие миниатюры клёвые о школьной жизни придумывала! Ну, например, учительница объявила детям тему сочинения: «Если бы я был директором». Все пишут, а Вовочка нет. На вопрос учительницы, почему он не пишет, тот с самым серьёзным видом отвечает:

«А я секретаршу жду!» Или учитель отчитывает ученика: «Ты что, Петров, наделал? У тебя совесть есть?» На экране компьютера появляется робот, громко констатируя: «Совесть Петрова не отвечает. Временно недоступна!» На уроке трудовик хвалит ученика: «Вова! У тебя, оказывается, руки золотые!» В дверь заглядывает старшеклассник, добавляя: «Жаль только, что растут они у него не из того места!»

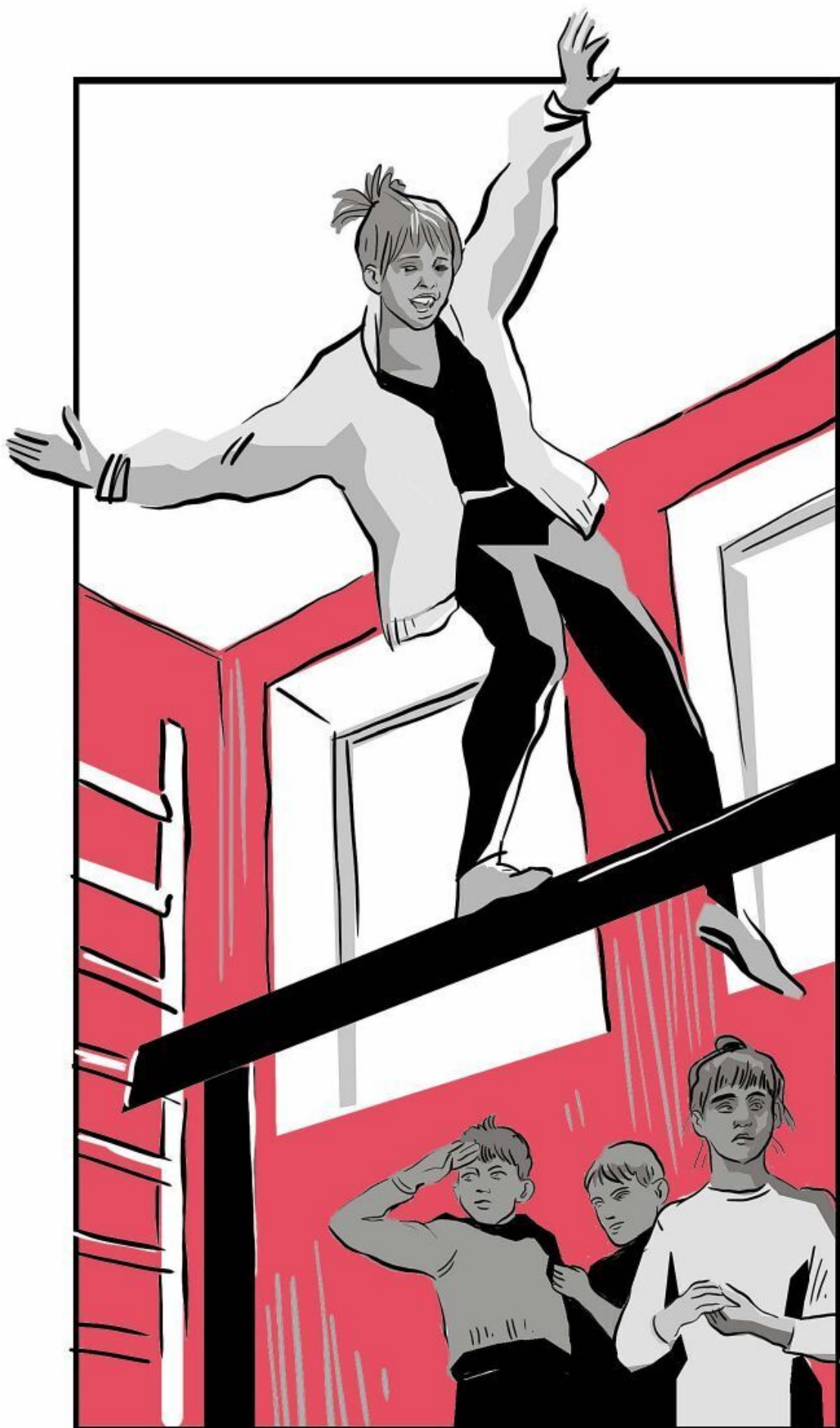
У Дуньки подобные анекдоты всегда наготове. Биолог говорит: «Труд сделал из обезьяны человека!» Вовочка вздыхает: «А из лошади – транспорт. Тут уж как повезёт!» Марина Константиновна над этим долго хохотала: «Ну, Дуняша (дружески так!), и светлая у тебя голова!»

А ещё она ценила в Дуньке актёрские способности. Так и сказала однажды при всех: «В тебе актёрский талант расцветает. Станешь великой актрисой, с громким именем – Евдокия Любимова. Попомни моё слово!»

Жалко, что Руслан этого не слышал. Его в тот момент Марина Константиновна за журналом в учительскую послала. Дунька не раз уговаривала Руслана вместе с ней в сценках участвовать. Но Руслану это было неинтересно. У него одни цифры на уме. В фаворе – Канистра. В математике видел смысл жизни и своё предназначение. Марина Константиновна и её идеи его мало трогали. И хоть с пятого класса она у них классный руководитель, большим авторитетом у Руслана не пользовалась.

Перед глазами снова всплыл последний урок физкультуры. Сначала прыгали в высоту. Тут уж Дунька всех переплюнула. Но Руслан даже руку не пожал, как это сделали другие мальчишки. А вот на буме станцевать, как это делала Галька Сорокина, не смогла – свалилась. Да ещё под насмешливый гогот одноклассников. Зато Сорокина выделяла на этом долбаном бревне такие трюки, что пацаны явно любовались ею. Она, Дунька, на Гальку старалась не смотреть, сверлила Руслана ревнивым взглядом. У того такое обожание в глазах! Особенно когда Галька ещё на шпагат соизволила сесть. Ещё бы! Её с первого класса родители в секцию

художественной гимнастики возили. Теперь она в городе на соревнованиях призовые места занимает. И Руслан, как приворожённый, на всех переменах возле Галькиной парты ошивается. Дунька что ни предложит, он нос морщит.

А ведь как в пятом-то классе дружили! Всегда домой из школы вместе ходили. Тем более что живут в соседних домах. По выходным в лес убегали с планшетом – видео снимать. Многому тогда Руслан её научил. Но часами сидеть в Интернете, как он, Дунька не могла. Терпения не хватало. И только когда брала в руки книгу – вокруг звенела тишина. Пушкиным упивалась – вот уж действительно «солнце русской поэзии». Строчки его стихов входили в память без труда. Даже перефразировала на свой лад, когда думала о Руслане:

Я Вас любила, и любовь, быть может,
В моей душе угасла не совсем.
Но пусть она Вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить Вас ничем.

Произведения, которые по программе в пятом классе проходили, её раздражали, потому что были прочитаны ещё два года тому назад. Иностранные авторы не впечатляли. Ну, Киплинг, например. Что в нём особенного? Язык примитивный. А что в сказке «Кошка, которая гуляла сама по себе» интересного? Название, конечно, клёвое! Вот она, Дунька, действительно кошка, которая гуляет сама по себе. Русские сказочки тоже отодвинулись. Читать читала, но без особого рвения. Мудрые-то мудрые, тут с Мариной Константиновной не поспоришь. Но только всё уже разжёвано и в рот положено. А душа требовала чего-то другого, серьёзного, возвышенного, что ли, захватывающего. Раньше над приключениями Тома Сойера, Гекльберри Финна и этого вождя краснокожих хохотала до слёз, а вот в школе перечитывать их не хотелось – и всё тут! Другое дело «Всадник без головы» Майн Рида или «ХаджиМурат» Льва Толстого. Не оторваться! Под выходной могла зачитываться до утра. Книги уносили в другой мир – мир страстей, переживаний, раздумий. С каждой прочитанной книгой, получив заряд мысленной энергии, да и просто радость, чувствовала обновление в себе.

И столько впечатлений! Только, жаль, поделиться не с кем. Раньше Руслану всё пересказывала, когда после уроков домой вместе шли. Но как-то они отдалились друг от друга. Домой вместе уже не ходили. Он убегал со старшими парнями в тренажёрный зал. На переменах иногда удавалось вызвать его смех своей осведомлённостью, типа: «Говорят, математик Лаплас как-то раз оппоненту дал в глаз. А потом и в другой, а потом и ногой ещё икс в энной степени раз!»¹ В столовой, перед тем как отправить бутерброд в рот, могла процитировать такой стишок: «Чудак математик в Германии жил. Он хлеб с колбасою случайно сложил. Затем результат положил себе в рот. Вот так человек изобрёл бутерброд»². Руслан улыбался, но как-то уж больно снисходительно.

Однажды, увидев в школьном дворе затевающуюся драку малышей, стукнула драчунов лбами и, демонстративно повернувшись к проходившему мимо Руслану, на ходу сочинила: «Пусть тебя драка не коробит, бывший мой приятель. Это просто ищут дробы общий знаменатель».

Вообще стала замечать, что её остроты и даже удачные приколы не забавляли Руслана, как раньше. Весь класс оценил надпись, появившуюся на доске перед уроком географии: «Без географии вы нигде!» Отреагировали все, но не Руслан, хоть и узнал её почерк. На лице его появлялась незнакомая ей усмешка, которой он теперь, как щитом, защищался от её искромётных выпадов.

Дунька со своим безудержным сарказмом, ставшим её новым амплуа, была похожа на колючего ёжика, нервного и беспокойного. Заслышав мат в коридоре, громко заявляла, сложив

¹ Цитата из «Математического лимерика» С. Сатина.

² Изменённое начало стихотворения «Бутерброд» Г. Сапгира. В оригинале складываются булка и масло.

руки у рта рупором: «Богат и выразителен русский язык. Но уже и его стало почему-то не хватать!» Дунька упражнялась в остроумии изо всех сил. На перемене на её зычный голос все оборачивались, наострив уши, ожидая очередного прикола. Так затихает зрительный зал перед выходом на сцену любимого юмориста. А она спокойно произносила: «Байкал – настолько чистое озеро, что даже рыбы ходят испражняться на берег». Могла бы «щегольнуть» глаголом и покрепче, но язык не повернулся, грубое слово застряло где-то в горле.

Однажды Пестик попросил принести в кабинет биологии домашние цветы. Дунька принесла кактус и, ставя его на подоконник, торжественно изрекла: «От сердца отрываю кактус, который уже приучен к горшку!» Девчонки, конечно, приснули, а Руслан, как всегда, только ухмыльнулся. И от этой его ухмылки резануло как ножом по сердцу. Захотелось исчезнуть, пылинкой затеряться в этом огромном мире, раствориться в нём.

А в конце апреля Горыныч предложил их классу поддержать Гальку Сорокину на городском турнире по гимнастике. Дружно собрали деньги на цветы и договорились встретиться у спортивного комплекса в воскресенье. Деньги на букет Дунька, конечно, сдала, а на соревнования решила не ходить. «Нутром (как любила говорить баба Зоя) почувствовала неладное». Но утром проснулась раньше родителей, хоть и имела привычку понежиться в постели часиков до двенадцати. А тут словно кто в бок кулаком ткнул. Сон приснился странный. Будто не Галька, а она на сцене с лентой танцует. А зрители аплодируют и цветы к её ногам бросают. Быстро вымыла голову, натянула подаренный отчимом к Женскому дню новый спортивный костюм, мазнула за ушками духами, как это делала мама, и выбежала из дома.

Галькин вид шокировал. У Дуньки сразу даже во рту пересохло. Сорокина выглядела настоящей принцессой. Волосы у неё были уложены, как у взрослой. И скорее всего, в парикмахерской. К тому же скреплены сверкающей заколкой. На веках голубые тени в тон гимнастическому костюму с блёстками. Ступала как балерина, с носка на пятку. Двигалась она так красиво, что у Дуньки дух захватило, не могла оторвать от неё глаз. Одноклассники громко хлопали в ладоши после каждого удачно выполненного Галькой трюка. Дунька не хлопала, стояла позади всех, кусая губы. А когда Галька, занявшая первое место, взойшла на пьедестал, физрук и Руслан, галантно преклонив одно колено, вручили ей сразу два букета. Догадалась: один – купленный на общие деньги, другой – персональный, от Руслана.

Видеть такое было выше Дунькиных сил. Она не выдержала и, словно дикая коза, выскочила из зала. Душили слёзы. Сердце колотилось так, что она его слышала. Перебегая улицу на красный свет, чуть не угодила под машину. Водитель затормозил настолько резко, что ехавшая за ним иномарка клюнула его в задний бампер. Выскочившие из автомобилей мужики размахивали руками, что-то доказывая друг другу. Но Дуньке было не до их разборок. И матерные слова, наконец полетевшие ей вслед, цели не достигли.

Одним махом взлетев на четвёртый этаж, позвонила в дверь бабы Зои. И, уткнувшись в шерстяной жилет на её пышной груди, разразилась горячими слезами. Та, глядя её по вздрагивающей спине, всё пыталась понять, что случилось.

– Что с тобой, деточка моя? Кто-нибудь обидел?

Но Дунька только качала головой.

– Что болит, родная моя?

Дунька подняла на неё заплаканное лицо:

– Душа, баба Зоя, душа!!!

– Ну, это дело поправимое, – усадила она Дуньку в кресло. – Посиди. Я чай поставлю и травки заварю. Это душу успокаивает.

Дунька, захлёбываясь словами, рассказывала бабе Зое о Руслане и Гальке. Та слушала внимательно, не перебивая, без глупых вопросов, которые обычно любят задавать взрослые.

– Ну вот что, родная ты моя, многие женщины через это проходили. Самое главное – страдания свои мужчине не показывать, гордость свою женскую не растерять. Сделай вид, что

тебе он безразличен. Относись к нему, как ко всякому другому в вашем классе. И постарайся увлечься каким-нибудь интересным делом.

– Каким, баба Зоенька? Мне даже книжки опротивели! – вопила Дунька. – Возьму в руки, начну читать, а перед глазами картинка стоит, как он Сорокиной улыбается. Ну что в ней такого, чтобы в неё так втюриться?! Подумаешь, на шпагат садится, колесо крутит, с лентой танцует... А я... Я... Я тоже много чего умею, чего ей не дано. Марина Константиновна говорит, что я смогу великой актрисой стать с громким именем – Евдокия Любимова! На всех афишах города будет моё фото висеть. Вот тогда эта Галька обзавидуется!

– Вот-вот! А я о чём говорю? У каждого человека есть Богом данные способности. И каждому нужно эти способности развивать. И поклонников у тебя ещё много будет, не Руслану чета. Научись собой владеть, со своими чувствами и эмоциями справляться.

– А ты, баб Зоя, когда научилась собой владеть?

– Преподносила жизнь уроки. От меня ведь тоже муж к другой женщине ушёл. А я уже беременна была. Узнала, что к любовнице бегаёт, – чемоданы ему собрала и на лестничную площадку выставила. Насильно мил не будешь. Одна ребёнку растила. А когда сын утонул, мир перевернулся. Душа разбилась вдребезги. Жить не хотелось. Руки на себя наложить думала, хоть и знала, что грех это великий. Подруга меня спасла, уговорила на какое-то время в женский монастырь трудницей податься...

– А кто такая «трудница»? – не поняла Дунька, размазывая слёзы по щекам.

– Трудник – это человек, который нанимается в монастырь работником за еду. Делает черновую работу и молится вместе со всеми. Молится и работает, молится и работает – тяжёлым трудом душу лечит.

– Баба Зоя, а может, и мне в монастырь уйти? А? – тут же загорелась благой идеей Дунька.

– Что ты! Что ты, глупышка моя! Первое предательство – разве это горе?! И мама у тебя, и заботливый отчим есть. Любят тебя, а ты им – такой «сюрприз»! Подумаешь, мальчишка другой увлёкся. Да ты, может, через год-два сама на него смотреть не захочешь. Какие-то качества в нём не понравятся... Мало ли что лицом красив да ростом вышел. С лица воду не пить. Душу в человеке ценить надо. Или он такой идеальный? – И вдруг загадочно улыбнулась, да так, что залучились морщинки у глаз. – Мне кто-то рассказал один стишок. Так понравился, что до сих пор помню.

Дунька тут же уши наострила. Глаза азартно загорелись:

– Что за стишок-то? Расскажи, баба Зоя!

Баба Зоя перевела взгляд на потолок, будто оттуда ей вот-вот придёт подсказка:

Красивым быть – не значит им родиться,
Ведь красоте мы можем научиться.
Когда красив душою Человек —
Какая внешность может с ней сравниться?³

– Клёво! – восхитилась Дунька. – В самую точку! Главное – быть хорошим человеком! И в помыслах, и в делах. Нам Марина Константиновна говорила... Не гордиться, не кичиться собой.

А что за человек Руслан? Задумавшись, стала разбирать его «по косточкам».

Сначала, как кошка с собакой, не ладили. Тогда, в четвёртом классе... Вспомнились его обидные слова: «Ну и вредина ты, пакостишь и пакостишь! Случайно, не в цыганском таборе родилась? Наверное, и воровать умеешь?» Это ведь Елена Сергеевна тогда убедила его, что

³ Афоризм персидского поэта и философа Омара Хайяма (1048–1131) из сборника философских стихотворений «Рубайят».

за такие слова извиниться должен. И вместе с ним домой к ней пришла. О себе он всегда был высокого мнения. Это проявлялось в оценках других ребят. Самым лучшим в классе себя считает. Вспомнилось, как он над Викой Воробьёвой посмеивался: мол, ей, толстухе, только поваром работать. «Чтобы формы свои не потерять». Да, именно так и сказал! А ведь баба Зоя права. И как она, Дунька, раньше его недостатки не замечала?! С математички глаз на уроках не сводит. Она на него не нахвалится. Он воспринимает это как должное. Сразу довольно так носом начинает шмыгать. И на ребят свысока поглядывает. Мальчишки его сторонятся. И хоть вслух он над ними не насмехается, но во взгляде осуждение чувствуется. Если честно, в душе Дуньке за него частенько стыдно становилось. Но молчала. Язык, что ли, отсох?! А что касается роста, так Дунька его уже на целых три сантиметра переросла.

И всё же сразу забыть Руслана не могла. И, пытливо взглянув на бабу Зою, прошептала:

– Баба Зоя! А может, мне его приворожить? Ты ведь рассказывала, что раньше девушки к колдуньям бегали...

– Ой, Дунюшка, Бог с тобою! Что говоришь! После такого тёмного обряда мужчина ведь умереть может. Будет чахнуть без причины. Ты что, этого хочешь? Зла ему желаешь?

– Да нет, баб Зоя! Просто... ну чтоб ему эта Галька опротивела!

– Выброси ты эти дурные мысли из головы! И не думай о нём больше. Вот вырастешь, все эти твои детские страдания такими смешными покажутся!

Дунька недовольно сморщила нос:

– Почему детские-то?

– Потому что ничего серьёзного в ваших отношениях ещё не было. А бывает так, что муж с женой не один десяток лет вместе живут, не одного ребёнка, троих детей родят, а потом разбегаются. И сами от этого страдают, и для детей такая душевная травма! Так что школьные влюблённости – это ещё цветочки. Трудности укрепляют дух человека, формируют его характер. Жизнь, она, Дунюшка, полосатая. В одной песне, помню, пелось: «После радости – неприятности, по теории вероятности». И наоборот: погасишь в себе эти обиды – жизнь повернётся к тебе светлой стороной. Обида, она ведь человека, как червь, съедает. Застрянет в сердце, и свет в его душе начинает гаснуть, хандра одолевает, а там и до серьёзных хворей недалеко.

От выпитого чая с целебными травами Дуньку в пот бросило. Стянула с себя свитер и вздохнула вдруг легко и свободно, будто в свитере была вся тяжесть душевная.

Домой пришла уже бодрая духом. Родителям ничего рассказывать не стала. И только вечером, когда отчим зашёл в её спальню пожелать спокойной ночи, загадочно глядя на него, тихо спросила:

– А ты, пап, за что маму любишь? Она ведь не из красавиц...

У того брови изумлённо так вверх подпрыгнули:

– Ну даёшь! В красоте ли дело?

Надо же! И он туда же! Сговорились они с бабой Зоей, что ли?

А Валерка между тем продолжал:

– Это в юности мужчины на внешние данные смотрят. А с годами мудрость приходит. Хочется доброты, тепла, нежности, верности, заботы. Мама у нас с тобой очень хорошая. Таких, как она, женщин мало. Всё понять умеет, никогда обиды не копит, замечания делает, и то не обидев. Иногда думаю: за что мне такой подарок судьбы?

Дунька смотрела на него во все глаза, не мигая.

А ведь правду говорит. Мама действительно такая. Уж сколько она, Дунька, ей проблем создавала, а мама её всё равно любит. Стоит Дуньке заболеть, у мамы в глазах столько тревоги! Гладит её по взмокшим от температуры волосам и, как в детстве, колыбельную поёт. И от этой её нежности всякая болезнь отступает.

– Пап, а ты нас с мамой никогда не бросишь? – смахнув со щеки неожиданно выкатившуюся слезу, тихо спросила Дунька.

– С чего это вдруг в голове такие мрачные мысли?! – так весь и подался к ней Валерка. – А ну давай колись! Что произошло?

Но весь пар из Дуньки уже вышел. Мусолить ещё довольно больную тему не хотелось.

– Да не, я так! – слушала она. – Знаешь, о чём хотела тебя попросить? Научи меня приёмам, ладно?

– Зачем тебе это, девчонке? – удивился Валерка.

– Так, на всякий пожарный, – пожала она плечами.

– Если хочешь мускулатуру накачать, так лучше в тренажёрный зал тебя запишу.

Но Дунька мотнула головой. Туда ходил после уроков Руслан. Возмнит ещё себе, что она за ним бежит.

– Пап, а ты не знаешь, куда Дятел со Шмыгой делись? Их в городе уже два года нет.

– Ах вот оно что! – догадался Валерка. – За ними много всяких грехов накопилось. В колонию, наверное, отправили, на перевоспитание. Ну а насчёт приёмов я всё узнаю. У нас на работе спортзал есть. Там и будем заниматься. А теперь спи! – Погладив её по руке, он заботливо укрыл Дуньку одеялом.

Занимались они с Валеркой три раза в неделю и, как говорится, «без дураков». Дунька и не знала, что он так здоровски приёмами владеет. И объяснял толково. На мат её скидывал осторожно, учил правильно падать, чтобы руки-ноги не поломать да шею не свернуть. Когда Дунька входила в раж, тренировку останавливал, тактично вразумляя:

– Пойми ты, Дуняша, побеждают люди с холодной головой. Сгоряча человек может допустить массу ошибок. Всякий азарт гасит внимание. Нужно сосредоточиться на главной цели – победить. А это значит – остаться в живых. Поняла? – И снова в честной борьбе валил её на мат.

Приходя домой, перед сном Дунька мысленно работала над ошибками. И уже через месяц появились первые положительные результаты. Ну, Валерку, конечно, кинуть через себя не могла, а вот руки выкручивать и на мат валить научилась. Боксёрскими перчатками лупцевала резиновую грушу изо всех сил. Бицепсы крепчали не только на руках, но и на ногах. Ноги порой вскидывала выше Валеркиной головы. Ведь в школе на физкультуре лучше всех прыгала и в длину, и в высоту.

А дома мама восстанавливала их силы отменными котлетами по бабы-Зоиному рецепту. Вкуснее таких котлет Дунька нигде не ела. Радуюсь за мужа и дочь, мама расцветала на глазах. Даже стала неожиданно поправляться. И только потом до Дуньки дошло: так ведь она беременна! Но смущать вопросами маму не стала. Сама скажет, когда сочтёт нужным. С затаённой улыбкой наблюдала за Валеркой, как тот старался незаметно коснуться маминого живота. Та от этой нежной ласки вспыхивала, как девчонка. В этих взрослых вопросах Дунька уже волокла. Вспомнилось, как в четвёртом классе, когда появился в их жизни Валерка, однажды без стука влетела в мамину спальню. Да так и застыла в дверях: что это они делают? Валерка, затылком почувствовав её присутствие, быстро откинувшись к стенке, долго не мог отдышаться, словно только что одолел стометровку, а потом строго так произнёс: «Стучаться надо, когда к нам в комнату заходишь!» Дуньку как ветром сдуло. Но мысли в голове ещё долго в чехарду играли. Никак было не освободиться от какого-то неясного ей смущения.

А в школе всё шло своим чередом. На Руслана и Гальку внимания больше не обращала. Была нужда! Других забот хватало. Жалко только, что драмкружок закрылся. Марина Константиновна заболела. Причём чем-то серьёзным, раз к ним на замену сразу училку-первогодку прислали. До летних каникул оставалось всего ничего, и новенькую литераторшу, Веронику, как классного руководителя никто всерьёз не воспринял.

Атмосфера в классе бурлила весенним ручьём. Вовка Ершов, придуриваясь, лихо вопрошал: «Зачем вас сразу двумя именами нарекли? Кем вы себя больше ощущаете – Верой или

Никой?» Класс притих в ожидании реакции новой учительницы. Та с нарочитым достоинством проигнорировала вопрос, отвернувшись к окну, чтобы не видеть ухмылок ребят. И говорила назидательным голосом что-то про контрольный диктант, который выявит успехи каждого в изучении русского языка. При этом длинный нос её задирался вверх, что делало учительницу совсем смешной, похожей на Буратино. Но Дуньке почему-то было её не жалко.

Зачем ставит эту непробиваемую стену между собой и классом? Так и хотелось подсказать: «Эй ты, то ли Вера, то ли Ника! – и процитировать где-то услышанное: – Будь проще, к тебе народ потянется». Но внутренний голос, набравший за эти годы небывалую силу, сдерживал порывы, не давая свободы языку: «Сама-то вспомни себя! В начальной школе любила повыпендриваться! Да и про „стену“ тоже... Не больно-то одноклассники и сейчас к тебе тянутся. Так что, как любит советовать Валерка, „молчи уж в тряпочку!“»

Каникулы захлестнули долгожданной свободой, которую Дунька сначала не знала, куда и девать. В Египет поехать, как когда-то планировал Валерка, им так и не удалось. В пожароопасный сезон эмчезникам отпуск давали редко. А потому Валерка отвёз их с мамой на дачу своего друга. И жили они там целый месяц. Дядя Женья с женой и родителями обитал на первом этаже, а их семья – в летних комнатах второго.

Валерка на работу ездил на арендованном мотоцикле. Дунька быстро научилась управлять его техникой, но выезжать на асфальтовую дорогу ей, само собой, не разрешалось. Дело понятное: куда ж без прав?

Дача дяди Жени находилась на берегу лесного озера. Длинный скалистый остров делил водоём ровно пополам. На скальнике посреди острова росли высокие сосны.

Дно озера у берега было глинистым. По словам тёти Леры, дяди-Жениной жены, глина эта была целебной. Дунька мазалась ею каждый день. Заходила в воду по грудь. Высохшая на солнце глина, трескаясь, стягивала кожу на лице, плечах и шее так сильно, что кожа готова была лопнуть, а трещины делали её похожей на пергамен. Чтобы не напекло голову, Дунька надевала смешную мамину широкополую панаму и казалась сама себе черепахой Тортилой из сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Для большего эффекта на уши вешала водоросли, подставляя вымазанное глиной лицо солнцу.

Однажды по тропинке вдоль берега пробегали два мальчишки лет восьми-деяти. Судя по возбуждённому шёпоту, искали свой отель, что находился неподалёку. «Тётенка! – донёсся до Дуньки взволнованный детский голос. – Вы не знаете, где находится база отдыха „Земной рай“?» Не сразу поняла, что у неё спрашивают. А когда дошло, слово «тётенка» насмешило. И в голове моментально созрел прикол. Повернувшись к ним лицом, театрально вытянула руку в сторону туристического комплекса. Увидев в воде такое страшилище, пацаны застыли от ужаса. А потом, не разбирая дороги, дали дёру в указанном направлении. Вдогонку им нёсся громкий Дунькин смех. Вдоволь нахохотавшись, сняла панаму и, бросив её на пирс, принялась смывать глину, превращая воду вокруг себя в молоко. Кожа после таких процедур становилась гладкой и шелковистой.

Купаться Дунька могла с утра до вечера. Отмыв глину, уплывала далеко на глубину, где вода была холоднее, но чище и прозрачней. Мама не купалась, сидела в тени на берегу. И хоть живот из-под широкого халата ещё не особо выпирал, Дунька понимала, что падать маме никак нельзя, и водила её по лесу только за руку, осмотрительно обходя камни и кочки. Дуньке так хотелось когда-нибудь доплыть до острова, но волновать маму было нельзя. И всё же однажды случай подвернулся.

На острове, куда часто на лодках плавали туристы с соседней базы отдыха, начался пожар. Едкий запах гари достигал их берега, вызывая у дачников сильный кашель.

Дядя Женья с Валеркой срочно стали собирать волонтеров на борьбу с огнём. И Дунька была зачислена в их команду первой. Валерка велел ей надеть противоэнцефалитный костюм

и нагрузил инструктажем под завязку: «Близко к пожарищу не подходи. Там скала, понимаешь? Попадёт нога в расщелину между острыми камнями, второпях освободить её быстро не сможешь. А тут, на беду, огонь может подскочить. Такой ожог получишь! И запомни: ожоги долго лечатся и на всю жизнь своё клеймо на коже оставляют». Дуньке хоть и казалось всё это смешным, но нравоучения его терпела, не ёрничала. Валерка, он такой, твёрдый как кремь. С ним особо не поспоришь. Может с собой и не взять.

Плыли на задымлённый остров на моторках, которых в кооперативе было много. В их лодке лежали и помпы, и шланги, и вёдра. Командовал всеми Валерка. Дунька смотрела на него с восхищением. Оказывается, вон у него какой голос зычный. Никогда дома не слышала, чтобы голос его звучал так громко. Распоряжения давал чётко, строго, толково. Ей он разрешил только вёдра с водой на скалу таскать и отдавать в руки взрослым.

Дым ел глаза. И горько было видеть, как огонь, поднимаясь от земли, облизывал деревья, стволы которых прямо на глазах чернели. Те, что послабее, падали как подкошенные, разбрасывая по сторонам искристые шлейфы.

Дунька впервые столкнулась с огненной стихией и даже не представляла, что она такая буйная и необузданная. И очень переживала за Валерку, который неожиданно появлялся то в одной, то в другой стороне пожарища, инструктируя волонтеров, старавшихся мощной струей воды сбить пламя. Мох в щелях скал тлел, время от времени выпуская наружу языки огня. Облитые водой камни шипели и парили, как у дяди Жени в бане, когда мама из ковшика плескала на каменку ароматный травяной отвар.

Притащив в очередной раз полное ведро на скалу, Дунька увидела, что к маленькой и стройной сосёнке подбирается огонь. Стало так жалко это набирающее силу деревце, что она, забыв Валеркин строгий наказ, рванулась к сосёнке по кое-где ещё дымящемуся, но уже не охваченному пламенем горельнику. Подобралась довольно близко, плеснула водой, как вдруг ноги оторвались от земли и она оказалась под мышкой у Валерки. В два прыжка он вынес её на безопасное место. И только тут Дунька поняла, что произошло. Туда, где она стояла, с грохотом упала толстая сушина. Валерка посмотрел на Дуньку таким безумным, укоризненным взглядом, что у неё похолодело в груди. Но чинить разборки времени у него не было. Только погрозил кулаком. И мощный голос его уже снова отдавал команды где-то в задымлённой кромке пожарища.

А Дунька вдруг увидела выскочившую из горящего леса лису, за ней быстро бежали к воде мыши. Замыкал эту эстафету ёж. В борьбе за жизнь рыжей облезлой хищнице не было никакого дела ни до мышей, ни до ежа, ни до людей. Звери, оказавшись в спасительной воде, плыли дружно, как спортсмены одной команды. Загляденье прямо!

– Что рот открыла?! Давай черпай, черпай воду, люди наверху ждут! – прикрикнул на неё парень лет шестнадцати.

Дунька опомнилась, побежала к воде. Огня уже не было видно. И только гарь, заполняя рот, поскрипывала на зубах и резала глаза.

Наконец появился Валерка, ловко стал скручивать пожарные шланги. Взрослые выходили из леса, едва держась на ногах, все в липком поту и копоти. Поблагодарив волонтеров за дружную и самоотверженную работу, Валерка попросил молодых парней объехать остров на моторках ближе к ночи. Но, взглянув на горизонт, дал команде отбой:

– Контроль отменяется! На помощь идёт дождевая туча.

А когда сели в лодку, Дунька прижалась к Валеркиному плечу и тихо попросила:

– Пап, давай не скажем маме про эту упавшую сушину, а то ведь она расстраиваться будет. Я обещаю всегда во всём тебя слушаться!

Валерка только с пониманием усмехнулся и приобнял её за плечи:

– Ах ты мой маленький хитрый лисёнок!

Дунька будто только этого и ждала, тут же переключилась на другую тему:

– Пап, я видела, как лиса, мыши и ёж бежали от огня к воде и друг на друга не реагировали. Почему?

– Сама подумай! – похлопал он по её плечу. – Люди, попав в общую беду, ну, в войну например, про свои обиды и мелкие дразги тоже забывают. Так вот и звери. О голоде не думают, лишь бы ноги от огня унести. Это ещё маленькое возгорание, а когда сотни гектаров леса горят, то и медведи, и волки, и лоси, и зайцы бегут без оглядки, спасаясь от гибели. Не до агрессии им. Лишь бы в живых остаться.

С дачи в город вернулись в середине августа. Пока родители заносили в квартиру вещи, Дунька названивала в дверь бабы Зои. Но та почему-то не открывала. В магазин ушла, что ли?

И уже хотела отойти от двери, но вдруг уловила какой-то очень неприятный, тошнотворный запах, который исходил из квартиры. Так однажды пахла сгнившая на помойке кошка. Дунька метнулась к родителям. Валерка, подойдя к двери соседки, тут же схватился за телефон, а Дуньке велел не выходить из своей комнаты.

Из окна Дунька видела, как к их подъезду подъехала скорая, а потом какой-то серый фургон. Мужики в синих комбинезонах вытащили из машины носилки. И тут страшная догадка пронзила сознание. Неужели?.. Сердце забилося так часто и громко, как у пойманной ею летом птицы, которая на даче у дяди Жени запуталась в сетке, что укрывала грядку со зреющей клубникой. А когда на носилках увидела чёрный мешок, ноги подкосились. Дунька без чувств рухнула на пол. Пришла в себя от резкого запаха нашатыря, которым мама натирала ей виски, заодно держа мокрую вату под носом. Лицо у мамы было заплаканным.

– Она умерла?! – в ужасе прошептала Дунька.

Мама кивнула, и её лицо сморщилось от сдвленных рыданий.

– Как же так?! Может, её убили?!

Но мама покачала головой.

– Сердечный приступ. Не смогла дотянуться до телефона.

– Это мы виноваты! – вдруг истошно вскинулась Дунька. – Мы!!! Почему оставили её одну? Почему не взяли с собой?! Могла бы с нами на даче жить! Почему?! – Слова летели, словно стружки из-под электрического рубанка.

– Я звала её, но она отказалась. Не вини себя, доченька. Приступ мог ночью случиться, даже если бы мы все дома были. Сердце – это дело такое...

Никакие доводы Дунька принять не могла. С потерей близкого человека она столкнулась впервые, ну, если не считать Крезика...

...После известия о смерти бабы Зои на улицу не выходила целую неделю. Совсем потеряла аппетит. И даже книг в руки не брала. Просто лежала на кровати поверх покрывала и безучастно, тупо смотрела в потолок. На потолке, как на экране, вырисовывались картины их с бабой Зоей посиделок, всплывали в памяти разговоры.

«Баба Зоя, а почему в нашем классе дружбы нет? Каждый сам по себе. У девчонок одни сплетни на уме. Парни – каждый в своём соку варится. Друзей имеют только за пределами школы, во дворе дома, где живут. Когда Марина Константиновна заболела, в классе вообще болотом запахло. Новенькая, Вероника, что ни предложит, Лизка Капралова носик сморщит, и все девчонки разом глазки опускают».

«Ну а мальчишки что?» – допытывалась баба Зоя.

«Те друг на друга поглядывают и молчат. Руслану до фени, что в классе творится. Он всё теперь свою мускулатуру качает».

«Сильного лидера у вас в классе нет, – взглянув на неё из-под очков, сделала неожиданный вывод баба Зоя. – Людей объединяет общее дело! А в пустом мозгу, как известно, господствует дьявол, у которого одна задача: разделяй и властвуй».

«А у вас, можно подумать, по-другому было?» – съехидничала Дунька.

«По-другому! – резко оборвала баба Зоя. – У нас было много общественно важных дел. Золу собирали, макулатуру, металлолом. Над одинокими пожилыми людьми шефство брали. Приносили им из магазина продукты, лекарства покупали, в квартирах убирали. А ещё в классе диспуты всякие проводили, чтобы, значит, личность развивать. Книги интересные обсуждали. И кружков разных было много. Словом, скучать некогда было. А вы теперь всё себе забаву ищете».

Дунька усмехнулась.

«А зола-то кому нужна?»

«Как это кому?! – подняла очки на лоб баба Зоя. – Даже и этого не знаете теперь?! Зола – самое ценное в сельском хозяйстве удобрение. И знаешь, сколько её нужно?! Без неё ведь ни один овощ, ни одна ягода хорошо расти не будут».

Сражённая Дунька молчала, покусывая губы. А баба Зоя продолжала объяснять:

«Из макулатуры бумагу делают. Металлолом переплавляют, на новые машины. Раньше, помню, даже в газетах писали о школе, которая сдала столько металлолома, что его хватило на изготовление нового трактора».

Всё, что рассказывала баба Зоя, было Дуньке в диковинку. Ну, кружкí-то и у них в городе есть. Только в основном платные... Сколько всё-таки баба Зоя знает! Руслан за любой информацией в планшет свой лезет. А Дуньке этот Интернет на кой сдался? У неё баба Зоя – ходячая энциклопедия.

«Баба Зоя, – подперев левой рукой подбородок, вслух стала размышлять Дунька, – так ведь объединять класс для добрых дел должен классный руководитель. Почему ж учителя этого не делают?!»

Та только тяжело вздохнула. Потом, глядя куда-то в сторону, словно там выстроилась целая армия из чиновников, с горечью заметила:

«Замордовали учителей всякими ненужными бумажными отчётами, не до воспитания им теперь. До чего дело дошло: люди святой профессии приписками заниматься стали».

«Как это? – не поняла Дунька. – Серьёзно?!»

«Серьёзней некуда! Чинушам нашим хорошие результаты нужны, а не воспитание души ребёнка. Вот и пошла погоня за дутыми результатами. Аттестацию учителей зачем-то придумали. И от этой аттестации зарплата учителя зависит. Так когда ему на добрые-то дела детей вдохновлять?»

Впервые Дунька видела, как баба Зоя волновалась. Лицо у неё порозовело, на лбу выступили капельки пота, будто только что... Зачем она, Дунька, тогда своими вопросами ей такую «парилку» устроила?

Не верилось, что этих искренних бесед больше никогда не будет и бабу Зою она никогда не увидит. И пронзила мысль: у Крезика и то могилка есть! Где похоронили бабу Зою?

Вскочив с постели, метнулась в кухню, где мама варила обед.

– Мама! А где могилка бабы Зои? Ты знаешь?

Мать кивнула, взяла её за руку и погладила по голове:

– Конечно.

– А почему меня не взяли?! – накинулась на неё Дунька.

– Не хотели тебя расстраивать. Думали, что тебе будет ещё больнее.

– Индюк тоже думал, да в суп попал! – вспылила Дунька. – Собирайся! Поедем на кладбище!

Мама, не ожидавшая такого поворота, послушно выключила газ и пошла переодеваться.

На улице накрапывал дождь. Редкие холодные капли падали на разгорячённое Дунькино лицо. Это было даже приятно. Казалось, что сама погода созвучна Дунькиному настроению.

– Надо цветы купить и печенье, – тихо произнесла мама.

Дунька не спорила. Мама лучше знает всякие там традиции. Надо – значит, надо. Заходить в магазин не стала, ждала маму на крыльце. Видеть никого не хотелось.

До кладбища ехали в полупустом автобусе. Потом шли лесной тропинкой. На песчаном холмике стоял деревянный крест, на котором висела бирка с номером. Дунька растерянно оглядывалась по сторонам и ничего не могла понять. Почему одни могилки огорожены, а другие нет? На огороженных стоят памятники с овалчиками фотографий, с которых чему-то улыбаются молодые лица, хоть по датам рождения и смерти можно понять, что хоронили не таких уж молодых. А у бабы Зои этот дурацкий номерок! Схватила маму за руку и, пытливо заглядывая

в глаза, устроила настоящий допрос. Мама спокойно объясняла, что Валерка фото и оградку уже заказал, а памятник можно ставить только через год, когда осядет земля.

Морща лоб, Дунька внимательно слушала, но понимала всё с трудом. Мама, наверное, видела, что Дунька в ступоре, и тихо посоветовала:

– Знаешь, Дуняша, ты поговори с бабой Зоей, а я пока воды раздобуду, под цветы.

Дунька машинально кивнула.

Как только мама отошла, на могилку прилетели птицы и стали шустро клевать раскрошенное мамой печенье. Баба Зоя говорила, что на крыльях птиц сидят души умерших. Маленькие нахохлившиеся от дождя живые комочки бесстрашно поглядывали на неё, воркуя и щебеча.

И тут Дуньку прорвало. Пересохшие губы зашептали:

– Баба Зоя, прости ты меня за то, что уехала на эту дачу и даже не почувствовала твою беду! Знаешь, как я тебя люблю! Мне так плохо без тебя! Я так по тебе скучаю! Ты приходи ко мне хоть во сне, ладно? Помнишь, ты говорила, что некоторые люди верят, что душа живёт на Земле не один раз. А мама с Валеркой ждут ребёночка. Пусть твоя душа снова придёт к нам, а? А ещё ты когда-то говорила, что многие ребята стремятся быть лидерами в плохих поступках, а вот на хорошие дела, нужные всему обществу, у них, видно, ни ума, ни сил не хватает. Что, мол, грош цена таким выскочкам! Наверное, ты меня имела в виду? А ведь ты права, баба Зоя, я это только этим летом поняла, когда мы лесной пожар тушили. Вот Валерка – он настоящий лидер! И я хочу быть такой, как он. И я стану лидером во всех добрых делах, я тебе обещаю! Нет, клянусь!

Горло перехватило. Шептать уже ничего не могла. Даже мысли куда-то попрятались. И тут ей на плечо села птичка. Дунька боялась даже пошевелиться. А когда птица, вспорхнув, улетела, она, улыбнувшись, прошептала:

– Баба Зоя! Я поняла твой знак. Ты мою клятву услышала!

На обратном пути они с мамой зашли в храм, поставили две свечи и заказали панихиду о душе бабы Зои. Стоя перед иконой Иисуса Христа, мысленно, как учила баба Зоя, просила о прощении грехов ушедшей в мир иной любимой бабули, чтобы даровано ей было Царствие Небесное. Вечером перечитала рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке». Уж больно хотелось верить в существование этого Царствия Небесного.

А через несколько дней за ужином мама с Валеркой, переглянувшись, завели неожиданный для Дуньки разговор. Мол, их вызвала нотариус и сообщила, что, оказывается, баба Зоя оставила завещание, по которому хозяйкой её квартиры будет Дунька, после того как ей исполнится восемнадцать лет. А до той поры распоряжаться квартирой будут они, родители. Дунька никак не могла взять в толк, когда это баба Зоя успела написать завещание. Но мама объяснила, что пожилые люди иногда это делают, если начинаются проблемы со здоровьем. Обычно завещают имущество родственникам. Но у бабы Зои никого ближе их не было.

Дунька долго молчала, а потом вдруг тихо спросила:

– А можно я сразу перееду жить в квартиру бабы Зои?

Мама взглянула на неё с таким удивлением, словно перед ней стоит не Дунька, а неизвестно кто.

Ситуацию разрядил Валерка.

– Нет, Дуняша. Жить самостоятельно тебе пока рановато. И квартиру мы будем просто сдавать.

– К-кому? – даже поперхнулась Дунька.

– Скорее всего, кому-нибудь из студентов. Тут до университета пятнадцать минут ходьбы.

Дунька почесала разом вспотевший затылок. Интересно, кто это будет: девчонка или парень? Хотя ей-то это до фени! С любым соседом подружиться будет нетрудно.

В самом конце августа сосед объявился. Он стоял с какой-то женщиной, наверное с матерью, на лестничной площадке. Вероятно, ждали Валерку. Дунька взглянула на него мельком, как говорится, краем глаза. Не будешь же таращиться. Но образ в памяти остался: худенький, высокий, белобрысый, с голубыми глазами. В общем-то, симпатичный. То, что он приехал не один, а с матерью, которая помогала ему устраиваться на новом месте, Дуньку рассмешило. Маменькин сынок! Квартиру им показывал Валерка. Когда мамаша квартиранта уехала, Дунька не утерпела и позвонила в дверь нового соседа. Тот открыл не сразу. А потом удивлённо уставился на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.